

Северная кампания

Тимофей Ю

Тимофей Ю

Северная кампания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70371679

SelfPub; 2024

Аннотация

Действие происходит в альтернативном мире на военной границе двух северных государств. Молодой генерал прибывает на фронт от нападающей стороны, но, несмотря на масштабность развернутой кампании, войска не встречают абсолютно никакого сопротивления. Более того, они вообще никого не встречают: города и деревни «противника» опустели, а на фронте армия «воюет» против тайги и снега.

Содержание

Воображаемый фронт	5
Великий отказ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Тимофей Ю

Северная кампания

*Скажешь «не приходи», все равно приходит.
Скажешь «не уходи», все равно уходит – загадка*

Воображаемый фронт

«101РД-Н (рядовое донесение – несрочное) – Начальнику объединенного штаба северо-восточного фронта Р.П. Облипо

1. Задача по организации оборонных рубежей за городом выполнена успешно. Оборудованы заграждения, рвы, укрепленные траншеи и начального этапа сеть подземных тоннелей. Также вдоль линии обороны размещена цепь дзотов, позволяющих контролировать активность противника.

2. Логистические задачи снабжения выполняет капитан Косточкин. Нареканий по текущей работе нет.

3. Продолжается успешное сдерживание противника вдоль линии соприкосновения...».

В этом месте рапорта Юлиус задумался. Дело в том, что никакого сдерживания по сути не требовалось – «противник» не появлялся даже на горизонте видимости, что уж говорить про стычки, и тем более разведку боем. Это с одной стороны. С другой, начальство очень любило позитивные отчеты, а вдоль оборонительной линии действительно происходило успешное сдерживание, ведь ни прорывов, ни диверсий не наблюдалось. И, как подозревал Юлиус, наблюдаться не могло. Союзного продвижения, конечно, тоже не было, но

только пока что. Тем более, об этом он ничего и не докладывал. Военный кивнул связисту продолжать.

«... 4. Прошу еще раз рассмотреть мое обращение 2330-Н (запрос особый – несрочный) в связи с недоукомплектованностью вездеходными средствами.

5. Прошу дать разрешение на планирование наступательной операции по линии вдоль сел Т., Д. и О.

Командующий 22-й армии, генерал-майор Ю.Г. Моргенрот».

Генерал еще раз кивнул тощему адъютанту за писчей машинкой и, подняв воротник пальто, вышел на улицу. Юлиус Моргенрот зажмурился от ослепительной снежной белизны и закурил. Яркая свежесть воздуха приятно контрастировала с резкой табачной терпкостью. В училище однокашники подкалывали Юлиуса за вычурную манеру курить, полностью прикрывая папиросу при затяжке. Мимо шастали рядовые в шинелях и валенках, таскали деревянные ящики, припорошенные стружкой, чистили винтовки и просто чесали языком. Генерал знал, что их не ждут ужасы войны, и эти небритые физиономии не будут лежать в кровавом подбое со смертными гримасами на лицах. По крайней мере, не на этой войне.

В генеральской землянке Юлиуса встретил запах давным-давно заматеревшего полковника Николая Полько, и сам полковник, который славился геометрически-идеальным пузом и привычкой везде появляться с трубкой. В этот

раз над пароходом-Николаем тоже стояло облако густого дыма. Увидев старшего по званию, Полько вскочил, задев стол животом, и примял рукой фуражку.

– Вольно, Николай, – кивнул товарищу Юлиус, – что там?

– Все по-старому. Докладыки. Вроде, не кипят, – Николай помахал небольшой пачкой донесений.

– У тебя вечно не кипит, давай сюда.

Генерал-майор, хоть и был молод, знал, что, पहले всего, нужно завоевать авторитет подчиненных. Юлиусу повезло: недостаток возраста компенсировала хромота, заработанная на полях сражений, и суровое боевое прошлое, буквально написанное на сухом лице. От переносицы в сторону обоих глаз расходился глубокий шрам, правую половину физиономии перетягивали ожоги, а левое ухо превратилось в потасканный лоскут, словно его драли крюками. Осталось добавить ко всему гипнотический командирский тон, и вот даже полковник Полько, перегнавший мужчину лет на десять, беспрекословно слушал «выскачку в генеральских погонах».

Проследовав в свой закуток, он достал бумагу и ручку. Генералу предстояло написать еще одно послание, однако, уже в качестве обычного человека, Юлиуса. Без всяких вычурных добавок. Мужчина уперся взглядом в промерзшую землю, – начинать письма, в отличие от донесений и приказов, всегда было весьма трудно. Как минимум, у них не бывало понятных порядковых номеров. Юлиус последовательно зачеркнул в мыслях «дорогую», «солнечную» и даже «род-

ную». Подумав еще немного и постучав по грубому столу ручкой, он решил начать так:

«Аянта!

Не знаю, доходят ли до тебя мои письма, но даже призрачная надежда на это заставляет меня продолжать. Честно говоря, я писал, даже если бы знал, что не доходят.

Не буду сразу тебя морочить своими эмоциональными внутренностями, расскажу о насущном. Уже несколько недель как на фронте, но тут, знаешь, спокойно. Зато не до жутки. Подробностей рассказать не могу, но, если вдруг будешь за меня волноваться – не надо. Я за себя постоять смогу, а, если нет, то высшие силы управят.

Опять отвлекаюсь, но поделаться с собой не могу ничего. Да и не хочу. Что еще тебе рассказать: тут чертовски холодно, даже для нас, привыкших к крепким (правда, редким) морозам. Сурово – вокруг один только лес, огромный, старый. И красиво, очень живописно даже зимой. Понятно, почему многие наши художники стремились поработать на просторах республики.

За дело душа у меня спокойна, люди рядом хорошие, пусть и без недостатков. Однако, как ты знаешь, и я не святой, так что...

Со мной тут Николай Полько, помнишь Полько? Кажется, знакомил вас на одном из тех помпезных монарших приемов. Он усатый, с трубкой, служит полковником, рассказывал тебе тогда истории про гусей или что-то в этом ро-

де. Если бы в армии служили одни Полько, я был бы за нее более спокоен.

Новостей у меня больше нет, поэтому снова спрошу: как ты? Знаю, что еще до начала наступления покинула столицу, и чем дольше мы с тобой в разлуке, тем чаще вспоминаю твои волосы, глубокий взгляд твоих глаз. Твой смех. Расскажи, чем ты занята сейчас? Не добрались ли до тебя вездесущие ищейки монаршего двора, чтобы расспросить об обстоятельствах пропажи груза тех самых бриллиантов? Шучу. Надеюсь, впрочем, что все эти тревоги обходят тебя стороной, и твоими друзьями стали чистый воздух и низкое приветливое солнце. Жаркое солнце, которое приручает даже вольный ветер и заставляет его лишь ласково трепать занавеску у открытой балконной двери. Представляю, что ты сидишь у этого балкончика, может быть, читаешь, а я (ты еще, конечно, не знаешь, что я вошел) тихо подкрадываюсь, и кладу руки тебе на плечи.

Обязательно расскажи мне что-нибудь, пусть даже о рутине, о бытовом. Я прочитаю это с одинаковой улыбкой. Все, не буду тебя больше задерживать.

Ю.М.»

Юлиус выдохнул. Иногда ему хотелось находиться в состоянии написании писем бесконечно долго. От этого, правда, страдало их содержание, поэтому мужчина сложил листок вчетверо, спрятал во внутренний карман шинели и вернулся к своим прямым обязанностям. К рутине.

Юлиус Моргенрот навис над донесениями, и лицо оказалось изуродовано еще и недовольной гримасой придирчивости. Через текст приходилось продирааться. Печатные буквы подпрыгивали в строчках, выпадали из стройных рядов и не хотели соблюдать никакой дисциплины. Информация не отличалась разнообразием. Львиную долю отчетов можно было описать двумя словами: «новостей нет», но отнестись к ним халатно означало предать Родину. Или превратиться в Николая Полько. Юлиус улыбнулся, потому что не знал, что лично для него было бы хуже. Нет, конечно, полковник его не отвращал, отличался исполнительностью и даже умом – в качестве солдата, – но как можно (Юлиус думал про себя именно так: «как можно?!...») сравнивать деревенского уроженца Якских островов, у которых мозги просолены с рождения, с представителем, пускай и далеким, столбовой дворянской фамилии Моргенротов. «Противник замечен не был...», «Нехватки припасов не прогнозируется...», «Личный состав замотивирован и ожидает постановки боевых задач...», «Ожидаем возвращение разведгруппы...», «Санитарные требования соблюдаются в полном объеме, в частности, сортиры содержатся в чистоте...». Юлиус внезапно прервался, а серые (в цвет формы) глаза лихорадочно забегали. На первый взгляд, отчет не выбивался из общего потока: на одном из участков первой линии отправили в лес разведку. Обычное дело, разведчики регулярно обследовали передний край лесного массива на предмет засад, ловушек, следов ко-

ренного населения. Однако, зачастую, возвращались за день-два, три – край. Разведгруппу на пятом участке командир ожидал уже четверо суток, и на связь она за все это время не выходила. Внутренняя жила Моргенрота задергалась, натянулась. Нужно было срочно выезжать на позицию. Конечно, случай мог оказаться пустяковым, но сидеть в прокуренной землянке с полковником Юлиусу осточертело. Кроме того, появиться на глазах рядовых не мешало еще ни одному генералу.

– Готовь вездеход, Полько, и быстро.

Полковник, снова вскочив из-за стола, щелкнул каблуками и исчез за скрипучей дощатой дверью. Почему не послали дополнительные силы на поиски – вопрос второстепенный. Скорее всего, банальная нехватка человеческого ресурса. А вот почему не доложили о пропаже после двухдневного срока... Да... Чутье Николая на такие вещи еще натаскивать и натаскивать, а то, единственное, что у него, в противном случае, прикипит – задница к табурету. Юлиус прикоснулся к двери и на мгновение замер, прислушиваясь к себе, нащупывая эту напряженную жилу. Не поспешил ли он? Нет, такие вопросы надо отбрасывать сразу, иначе в раздумьях можно пропустить действительно важные вещи. Мужчина пригнулся и толкнул дверь.

В лагере быстро стало суетливо. Видно, что Полько успел наделать шуму: одна часть рядового состава изображала бурную деятельность, пока другая приводила себя в порядок,

надеясь, что их безделью пришел конец. Завидя генерала, они, помимо прочего, пытались принять серьезный вид. На отшибе готовили к отплытию дирижабль. Правда, из-за необычайной густоты лесного покрова, воздушная разведка оказалась совершенно неэффективной, поэтому вылеты остались как дань военному формализму.

Юлиус решил не доставать папиросы, полковник имел обыкновение подавать машину аккурат в момент закуривания. Мужчина взглядом выцепил из копошения капитана Льеже. Тот быстро все понял и трусцой подбежал к генералу.

– Капитан Лье...

– Вольно-вольно, – отмахнулся Моргенрот, – вот что, капитан, нужно поставить усиление во все разведгруппы на нашем участке и передай дополнительно проверять связь перед каждым выходом. Выполняй.

Юлиус опустил руку на эфес наградной сабли – через ее сталь в тело перетекало отрезвляющее холодное спокойствие. Вообще-то сабли полагались всему генералитету, но многие пренебрегали этой честью, выбирая мощные пневматические дубинки или более понятные секиры.

Фыркая, из-за угла выкатился вездеход. Генерал-майор убрал портсигар во внутренний карман и замахал полковнику рукой, чтобы тот сидел на месте, а не выскакивал открывать дверь. Вопреки расхожему мнению, Юлиус считал, что стремление выслужиться больше вредит делу, чем помогает ему. В кабине приплюснутой машины пахло душно и едко,

амбрэ разбавляла только трубка Полько. Эта смесь запахов была для генерал-майора практически родной – свою первую кампанию он провел в маслянистых дизельных парах самоходных «жестянок».

– Почему не доложили о пропаже разведгруппы, Полько?

– Дык, не было донесений, что кого-то недосчитались, вашсходительство, – полковник замялся, кабину заполнило бурчание двигателя, – виноват.

– Правильно, виноват. Невнимательность хуже вражеской пули.

Кабину тряхануло на рытвине, и разговор закончился сам собой, – машина взяла курс на северо-восток. Дополнительную охрану Юлиус решил с собой не брать. Даже в относительной близости от линии («воображаемой линии», говорил про себя генерал-майор) фронта вся занятая территория считалась безопасной. По ту же сторону армию Светлейшей Монархии Авии и Думмабара ждал только молчаливый северный лес. Он и сейчас изучал Юлиуса сквозь грязное окошко вездехода. Ели, нагроможденные снегом, уходили в дремучую бесконечность, прятали за собой рыжие сосны, голые березы и рябые осины, но, самое главное, они хранили странные тайны врагов монаршей армии. Говоря начистоту, генералитет двуединой монархии пребывал в растерянности. Огромные силы, брошенные на взятие соседней страны, не встретили сопротивления, – после «Великого отказа» города противника оказались пусты. Юлиус, как часть

военного сообщества, тоже ощущал себя неуютно, когда располагал мощностью, не находящей применения. Мужчина в задумчивой прострации протер стекло, но ярче от этого не стало – свет за окном уже успели замазать грязные зимние тучи.

– Полько, м-м, Николай.

– Так точно, – полковник немного мычал, из его трубки опять рвались клубы серого дыма.

– Что ты думаешь, как на личном составе сказывается бездействие?

– Вы же знаете, ребята не бузят, стычек, драк нет. Не сглазить бы, но, как сказать, спокойно что ли.

– Я имел в виду, – Моргенрот задумался, – Николай, ты же участвовал в Плотнийской изоляции, верно?

Полковник нахмурился, кивнул и выпустил пышное облако.

– Так вот, помнишь ли, поправь, если ошибусь, период затишья после первых наступлений? Когда, несмотря на успешное ураганное наступление, все ждали подвоха. Когда спиной чувствовали смерть, следящую за каждым шагом.

– И ведь они не ошиблись, – пробурчал полковник.

– Нет. Но ощущение, – скрюченный в кабине высокий Моргенрот испытывающе посмотрел на подчиненного, – предчувствие катастрофы. Ты помнишь?

– Угу. А иначе вы бы сейчас со мной не разговаривали, пожалуй. Всех непутевых забрала многолика.

В вездеходе ненадолго снова воцарилась тишина. Только

ворчал двигатель и громко хрустел снег под резьбой массивных шин.

– К чему я клоню. Сейчас ведь атмосфера совершенно другая, я прав? – Юлиус одернул себя, чтобы не пуститься в эмоции. – Я не чувствую приближающейся мясорубки.

– Может, ваше превосходительство, и я потерял чутье, но что есть, то есть. Совсем не так. Странно, но по-другому, и не понять, в чем подвох, и сделать ничего толком не можем. Это и самое паршивое. Но смерть отсюда точно ушла.

Дальше ехали в тишине. Полковник курил, генерал думал. Только, когда позиции седьмого участка показались из-за очередного подлеска, водитель тихо сказал «ну и хорошо», и прибавил газу. К слову, линия фронта здесь шла достаточно неровно и позиции «седьмых» находились как бы на отшибе, выбиваясь вперед. Вокруг позиций стоял частокол из свежесоборанных стволов, навевающий мысли об острогах и исторической старине. Командующего уже встречал майор Аир Галандезия, которого легко было узнать по слепому глазу, густым кудрявым бакенбардам и расслабленной позе. В отличие от большинства солдат, которые, только завидя Моргенрота, старались вытянуться, подобраться и приложить руку к фуражке, майор (в этом с генералом они совпадали) относился к формализму с подозрением. «То есть был разгильдяем», – с усмешкой подумал Юлиус, но вслух ограничился сухим: «Докладывайте».

– Группа в составе пяти человек, включая радиста и кар-

тографа, отправилась на разведку четыре дня назад. Группа в назначенное время не вернулась и на связь не вышла.

– Почему не сообщили вовремя?

– Была поставлена задача расширенного сбора информации, проверки, э-э, данных. Я заложил дополнительное время...

– То есть мои указания по поводу двухдневного отсутствия для вас пустой звук? – Моргенрот остановился и внимательно посмотрел Галандезии в здоровый глаз. – Я не буду с вами миндальничать, Аир. Даже если вы не слышали о моем приказании, то о военном трибунале знать должны наверняка.

Майор отвел глаз и промолчал. Юлиус вздохнул и сменил тон.

– Вы понимаете, как глупо будете выглядеть, потеряв разведгруппу на участке без врага, да? – Моргенрот посмотрел в сторону леса. На самом деле, он ни в чем не был уверен. В том числе, что врага в этой зоне нет. – Вернемся к вопросу. Что за дополнительные проверки. Опять же, почему не было доклада?

– Чистая перестраховка, там глупость какая-то, но я решил, на всякий случай, – майор заговорил быстро, почуяв, что наказания пока не последует, – усилить группу, проверить еще раз. Лучше же так, чем потом проснуться по тревоге.

– Какая глупость?

– До этого разведчики жаловались, что лес их пугает. Я решил, что у противника какая-то адаптивная маскировка, но ни потерь, ни инцидентов, – Аир развел руками.

– Ваш вездеход готов?

– Предлагаю на бронемотах, – Галандезия все-таки хорошо знал и формалитет и, конечно, привычки руководства, – там местность слишком лесистая для больших машин. Все уже готово и ждет вас.

Бронемоты, точнее несколько моделей «Бронированного мотоцикла усиленного ОП-2» стояли на стартовой площадке. Новенькие, в свежем камуфляже, они ждали хозяев как послушные животные. Юлиус не без удовольствия отметил, что майор умел подсуетиться: БМУ ОП-2 считался новейшим вооружением, разрабатывался для пересеченной местности и повышал престиж (а, главное, боеспособность) укомплектованного подразделения. Достать один такой было сильно, два – почетно, но целых три... Поручик Василий Стыличкин уже перебрался из генеральского вездехода и примеривался к рулю. Полько сел в люльку – за пулемет, а Моргенрот попытался уместиться в кресле за водительским сиденьем.

– Стыличкин, с аппаратом знаком? – по-отечески спросил юнца майор.

– У нас в части такой был, но первой модели. Все тоже самое, ваше высокоблагородие, но этот будет порезвее.

– Угу, – Николай Полько, задумавшись, проверял боеком-

плект. В такие моменты он непроизвольно страшно щурился и скалил зубы с зажатой в них трубкой.

Юлиус Моргенрот ссутулился и позволил себе утонуть в шинели. Подумав, мужчина достал из портсигара папиросу. Полько одолжил огня. В соседнем бронемоте, придав ему почти что шарм кабриолета, вальяжно устроился Галандезия. Он тоже курил. Скрестив взгляды с Моргенротом, майор со значением моргнул, дескать, «ждем ваше превосходительство». Юлиус крепко затянулся, прикрывая папиросу ладонью, и после махнул рукой.

– Я поеду первый, с вашего позволения, – Галандезия уже перекрикивал спорящие друг с другом движки мотоциклов. – Вы в центре, замыкать будет капитан Ульгин. Так безопаснее.

– Исполняйте, – гаркнул генерал-майор.

Постовые на частокоте проводили колонну мотоциклистов суровым молчанием, и седьмой участок снова оставил военных один на один с лесом. Очень скоро они достигли (воображаемой) линии фронта. Вокруг было тихо, почти умиротворенно. Мотоциклы на специальной резине шли быстро даже по глубокому снегу, легко преодолевали валежник и ямы, из которых торчали толстые корни. Ели загоразживали небо и будто раскрашивали воздух в какой-то сумрачный зеленый цвет. Голые стволы лиственных деревьев излучали пустоту, отсутствие жизни. Чем-то это было похоже на оставленные города Кояратской Республики. Так же

безучастно и, может быть, с легким недоумением на первые штурмовые группы монаршей армии смотрели тогда пустые дома, магазины, улицы, только ветер гонял мусор по асфальту. В лесу сейчас не было даже ветра. Моргенрот поднял голову – от неба его защищали все те же ели. Их пушистые лапы в снежных рукавах тянулись к людям, хотели потрогать их. Мужчина одернул себя. Это был самый обычный зимний лес, а вместо здравомыслия с ним говорили воображение и какие-то доисторические инстинкты, демонизирующие любую неизвестность. Впрочем, неизвестность действительно пугала: почему коярты ушли и не стали защищать свои города, где расположились, чем занимаются в глубине *своей* тайги, что планируют дальше? Это все казалось Юлиусу страшной глупостью. Неужели, одну из сильнейших армий континента рассчитывают взять обыкновенным измором? Очевидно, за неожиданными действиями врага скрывалась хитроумная и необычная стратегия. И Юлиус Моргенрот очень хотел ее разгадать.

Экипаж Галандезии засигналил и резко повернул в сторону. На скромной поляне к деревьям прижались импровизированные навесы от снега и настилы из еловых лап. Перед ними густо чернели остатки кострища. Галандезия выпорхнул из сиденья и первым побежал к месту стоянки. Приподнявшись со своего места, Юлиус перешагнул через бронированный бортик и прямо на замедляющемся ходу выбрался из мотоцикла. Стыличкин поспешно глушил двигатель, а Поль-

ко, покрякивая, ерзал на месте и дымил трубкой, – Моргенрот рукой сделал ему жест идти следом. Капитан Ульгин оставался охранять конвой.

– Сапоги наши! Следы, в смысле, следы, – майор затараторил, растирая в руках угольки. – А были здесь, ну, положим, день назад. Здесь точно было тихо, смотрите: снег на ветках лежит одинаковый, поляна припорошена.

– И ведут следы только в трех направлениях, – резюмировал Моргенрот.

– Точно так. Отсюда они пришли с позиций, туда, – Галандезия сверился с картой, – наверное, ходили за водой, там ручей. Получается, что нам еще дальше, в третью сторону.

– Вглубь... – сам себе сказал генерал-майор.

Взглядом он все еще пытал стоянку, но разговорить ее не удавалось. Ни зацепок, ни подозрительных следов, только мертвое кострище. Все вернулись по своим местам и окончательно свернули с какой-никакой просеки. По следам шли медленно, тягуче – потеряться в тайге могли даже генералы. «Безупречный план», – думал Юлиус, – «мы просто заходим в глушь и, не найдя обратной дороги, коченеем, замерзаем, ни восточки, ни знака. И только по весне наши трупы найдет какая-нибудь белочка или кабанчик. И вся наша армия медленно станет удобрением, тоже растворится. Как коярты в своей паршивой зелени». Лес становился все более хвойным, глубоким и темным. Толстые стволы местных матриархов-елей выстраивались в путанные ряды, делая путь для

рычащих бронемотов все труднее. Грубые игольчатые ветви при этом все так же норовили коснуться, потрогать суетливых теплых людей и их странные коптящие машины. Деревесный лабиринт уводил военных все дальше от тропы, от людей, от огня, и даже небо теперь только еле-еле проглядывалось где-то наверху. Юлиус глубже осел в шинель. Он начинал жалеть, что лично выехал на импровизированную инспекцию, видимо, чутье его подвело. Именно в этот момент Полько чуть не выронил изо рта трубку и забасил «Тормози!», схватив Стыличкина за плечо. Полковник показывал в сторону двух поваленных деревьев. Павшие стволы показали группе свои корни, но Николай Полько заметил то, что было за ними. Несколько застывших темно-серых пятен. Генерал первым двинулся к находке, – там, конечно, смиренно искателей ждала окоченевшая разведгруппа. Они были аккуратно прислонены к лежащему стволу, словно присели отдохнуть. Лица солдат выражали абсолютное блаженство. Рядом кто-то аккуратно выложил винтовки, походные ремни, патронташи и вещмешки. Подоспела остальная группа. Первым делом осмотрели бойцов: следов борьбы, ранений не было. Зато, к удивлению генерала, Полько прощупал у одного из них пульс. После недолгих споров Юлиус приказал замыкающего капитана Ульгина отправить обратно с телами разведгруппы. Даже небольшой шанс спасти их нужно использовать – любые сведения о противнике сейчас на вес золота. Остальная группа все-таки решила проверить квад-

рат на наличие противника.

Генерал-майор испытывал странные чувства, когда бойцов в одинаковых шинелях буквально пытались сложить в БМУ ОП-2. Некрасиво, но некоторых пришлось класть прямо поверх корпуса, закрепляя веревками как баулы. Юлиус подозвал Николая.

– Есть мнение о том, что с ними произошло?

– Ввели какую-то бурду, как мне видится, – трубка Полько задымила, – может, это газ. Но, думается, обычные ружья и патроны с сюрпризом. Не припомню, чтобы коярты сильно жаловали летальные технологии.

Полковник шумно несколько раз подряд затыкнулся, подерживая огонь. Запах табака перебил и хвою, и мороз.

– Какие шансы на выживание?

– Трудно сказать, ваше превосходительство. Проблема не в том, чем накачали солдатиков, а в том, как долго они пролежали на морозе. Останутся инвалидами. Если повезет.

Юлиус кивнул и снова погрузился в мысли. С трудом верилось в то, что это не уловка: зачем щадить личный состав прямого врага, пускай и в такой странной форме. С другой стороны, это было милосердием только на первый взгляд. В случае, если бы отряд разведки не нашли их ждала мучительная смерть. Причем в сознание люди пришли бы в самый разгар собственной казни. Любопытно. От размышлений командующего отвлекла возня Ульгина.

– Галандезия! – Моргенрот решил, что от дисциплинар-

ного взыскания майору не отделаться, халтурить было некогда. – Почему до сих пор не отправился капитан с личным составом.

Галандезия, устроившийся на сваленном стволе, чуть не выронил из рук флягу, растерянно посмотрел на старшего по званию и даже решил соблюсти этикет.

– Не могу знать, о чем вы, ваше превосходительство. Проводили Ульгина минут пять тому назад.

Юлиус моментально выхватил из кобуры пистолет. Лес вокруг снова накрыл людей гробовым молчанием. Под ногами неприятно поскрипывал снег. Галандезия бросился к бронемоту – его машина несла на себе тяжелый огнемёт. «Полько, пулемет, к базе», – прокашлял Моргенрот, прощупывая глазами частокол елей. Грузный Полько, проявив чудеса ловкости, очутился за оружейным стволом, взяв его на изготовку. В воздухе повисло напряжение. Секундное движение среди еловых лап попало цепкому взгляду генерал-майора. Громовой выстрел офицерского пистолета разрезал воздух. В вышине разлетелся фейерверком снег и одна из ветвей лишилась своего зимнего тулупа. Там никого не было. Юлиус Моргенрот осторожно двинулся вперед, его высокие сапоги как ледоколы резали сугробы. Нервно мусолил трубку за пулеметом Полько, поджимал губы на своем месте. Галандезия, с охранявшими его адъютантами, Стыличкин, ссутулившись, наклонил в руках винтовку. Генерал Моргенрот, наконец, вышел из-за небольшого пригорка. Перед ним

неаккуратно лежал упавший с ветки снег, а в чашу уходили собственные мотоциклетные следы, связывающие солдат с домом. Тут же за спинами авийцев взорвался большой сугроб. Из-под снега выпрыгнули двое в маскхалатах. Первый выстрел сделал Моргенрот. Мимо. Враги, однако, не спешили атаковать. Оглушенный адреналином, где-то на краю восприятия генерал-майор засек кричащего Галандезию. Через мгновение кожу генерала обдало жгучим жаром – майор начал поливать зимний лес из огнемета. Широкий язык пламени с могучим ревом лизал заснеженные деревья, поджигая пахучую хвою. Фигуры противников синхронно спрыгнули в овраг, спасаясь от огня. Пожалуй, даже слишком быстро. Генерал разглядел на их спинах необычные рюкзаки с чем-то вроде воздушных двигателей. Юлиус уже понял, что происходит и побежал к бронемоту, где за пулеметом такт отбивал Полько. Очереди кромсали лес, отскабливая кору, и ломая ветки словно кости.

– Двигай! – Юлиус прыгнул на сиденье, перекрикивая перемётную очередь. – Брать живыми. Галандезия, отставить! Вперед, вперед, вперед!

Стыличкин рванул поршень газа и Юлиуса вжало в кожу кресла. Фигуры беглецов удалялись от группы Моргенрота слишком резво. Бронемоты, хоть и умели маневрировать на сложной местности, не могли конкурировать с человеческой ловкостью, когда речь шла о глухой чаше. Чем дальше уходил враг, там больше поворотов требовалось машинам,

чтобы сократить дистанцию. Галандезия, по привычке прищуривая слепой глаз и придерживаясь за бортик кабинки, продолжал попытки подстрелить коятров. Все тщетно. Гром выстрелов улетал к вершинам елей, а пули исчезали в бесконечном снегу. Дымящий Николай Полько, до этого просто державшийся за пулемет, после очередной неглубокой кочки подобрался и перехватил ручки оружия. Юлиус прикрыл рукой левое ухо. Полько дал длинную очередь. Один из ускользящих задымился и упал. В этот же момент бронемот Галандезии врезался в массивный корень и перевернулся. Юлиус хлопнул Стыличкина по плечу, чтобы тот тормозил. Мотоцикл чуть проскользил по снегу, а генерал Моргенрот бросился к опрокинутому БМУ-ОП 2. Майор уже сам рвался из-под снега.

– Все хорошо, бегите!

Глубже ехать было бессмысленно, и группа Моргенрота бросилась дальше. Силуэты противника очень хотели без остатка раствориться в лесном сумраке: кажется, коярт подобрал раненого товарища, и они скользили вдвоем, правда, уже значительно медленнее.

– Именем монарха двуединой империи, стоять! Сдавайтесь! – с остервенением закричал Моргенрот.

Реакции не последовало. Полько со Стыликиным вырвались вперед. Моргенрот встал в стойку и прицелился. Он совсем не заметил, что с неба начал медленно спускаться мелкий-мелкий снег, настолько, что растворялся в горячих клу-

бах человеческого дыхания. Мужчина закрыл глаз. Офицерские пистолеты новой конструкции били до четырехсот метров. Глубокий вдох. Здесь до цели было раза в два меньше. «Утешай себя», – подумал Юлиус. И выстрелил. Оба маскхалата упали в снег. Юлиус выдохнул. Сзади, шумно дыша, подбегал Галандезия с адъютантом. Моргенроту совсем не нравилось как растянулись остатки его инспекционной группы: ближе всего к врагу расположился молодой Стыличкин с винтовкой, жадно вглядывающийся в таежные сумерки, его прикрывал осторожный Полько, снявший с крепежей пулемет, который теперь опирался на его круглый живот, на дистанции от подчиненных был сам Юлиус, а сзади подтягивались, судя по звукам, суетливый Галандезия с адъютантом. Он отвлекся только на секунду, чтобы проверить Аира... Этого оказалось достаточно, и впереди закричал Василий. Картина стремительно изменилась: среди часто стоящих деревьев поднялся могучий буран. Его безуспешно пытался поразить Полько, впавший в ярость, выпуская плетки пулеметных очередей. Моргенроту показалось, что в суматошном движении ветра и снега он разглядел гигантских играющих зверей. Пытаясь продрасться сквозь нарастающий рев, он заорал «Галандезия, сообщи базе», махнул адъютанту идти следом, а сам задвигался вперед. Снежный покров становился все выше, идти становилось труднее. Словно мужчина заходил в океан. Кожу на лице царапал колючим снегом нарастающий напор ветра, и приходилось шурить глаза, –

все вокруг начинало кружиться в едином безумном вальсе. Спустя несколько мгновений Юлиус понял, что идет только на звук пулемета Полько, а в белой сумрачной пелене мелькали обрывочные образы, и движение отслеживалось только по деревьям, которые надвигались на мужчину из свистящего бурана. Стрельба становилась отчетливее, и серый воздух нарисовал перед генералом усатую фигуру.

– Полько! Полько, отставить!

– Какие-то черти, господи прости, наваждение. Пули их не берут, но, кажется, пугают, – кричал Полько.

– Что со Стыличкиным?

– Утащили, – Полько, надрываясь, почти хрипел. – Хле-станули его чем-то вроде плетки, потом подорвали, видать, бомбы, подняли ветер. Нападать боятся. Оба ранены.

– Нам надо их взять. Или ликвидировать, – генерал рвал горло. – Уже все равно. В таком буране далеко не уйти.

Юлиус оглянулся: кажется, адъютант совсем отстал. «Хорошо», – подумал Моргенрот, – «может, не пострадает». За полковника он не переживал, тот провел достойную жизнь, успев даже совершить несколько подвигов для отечества. Мужчины двигались практически наугад, они будто попали самый центр смерча, а вокруг, как от тоски, отчаянно выла снежная пустота. Щурясь, Юлиус старался вглядываться в узоры вихря, – ему снова мерещились огромные глаза, лапы, когти, клыки и хвосты. Николай Полько закричал, выронив изо рта трубку, и открыл огонь. Юлиус не успел помочь, но-

ги полковника подкосились, а пулемет вывалился из рук. Не думая, генерал разрядил в то, что ему показалось клыкастой пастью, оставшиеся в магазине пистолетные патроны. Бесплезно. Вьюга завывала сильнее, бросая в глаза осколки зимы. Когда генерал насилу разлепил веки, Полько уже не было. Похоронен под снегом или растерзан хтоническим кошмаром – неизвестно.

Юлиус деревенеющими пальцами неуклюже судорожно перезаряжал пистолет. Рядом что-то зашевелилось. Сработали боевые инстинкты, и Моргенрот, оставив огнестрел в левой руке, правой выхватил саблю. Клинок звонко лягнул обо что-то. О зубы? О когти? И тут же мужчину пронзила боль, начинающаяся где-то в ноге. Шинель обезобразил широкий разрез, но крови почему-то не было. Чтобы не упасть прямо в снег, военный шагнул к ближайшей ели, упал на ствол и медленно съехал вниз. Нога уже не болела – он ее просто не чувствовал. Юлиус скривился и горько усмехнулся сам себе. «Как глупо вы будете выглядеть, потеряв разведгруппу на участке без врага. Да, господин Моргенрот?». Онемение захватило уже половину торса и неотвратимо ползло вверх. За себя тоже было не обидно, долг Родине отдан уже очень давно, и цена заплачена кровью, кажется, даже в двойном размере. Настоящие военные аристократы Светлейшей Монархии не боялись жить. Но только не в плену. Покалывающее остолбенение подбиралось все выше и выше. Из воющего бурана начали вырисовываться две фигуры в маскхала-

тах. «Жаль только, письмо отправить не судьба», успел подумать генерал-майор Юлиус Моргенрот, поднес ледяное дуло к виску и утонул в темноте.

Великий отказ

К ощущению нетронутого и одновременно абсолютно вымершего города привыкнуть было тяжело. В этом крылась какая-то странная магия: здания не тронули ковровые бомбардировки, улицы не столкнулись с безумством паникующей толпы, ни брошенных машин, ни разбитых витрин, ни пятен крови на мостовой. Юлиус Моргенрот ехал по городу-призраку и все еще почти не верил, что его не ждет за поворотом тихая терпеливая растяжка. Ведь сам бы он сделал именно так. Нет, конечно, генерал помнил, например, победоносное занятие союзными силами Ри-Аланты, когда старики плакали при виде монарших гербов, а девушки стреляли воздушными поцелуями и махали солдатам платками, весьма пикантно свешиваясь с аккуратных балкончиков. Однако куда чаще они заходили на огненное пепелище, которое еще только предстояло окончательно стерилизовать, избавить от последних непокорных. Чтобы не прилетела снайперская пуля, не настиг штык, не дождалась больше никого пресловутая растяжка. Спуститься в бездну и сделать ее пригодной для жизни. Однако здесь все было не так, не по-человечески.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.